
Глава 2

Сознание возвращалось медленно, пробиваясь сквозь пелену тупой, изнуряющей боли. Пэй Цзя с трудом разомкнул веки и ошеломлённо уставился на свои руки: запястья были свободны. Наручники исчезли, словно их и не было.

И самое главное — он лежал не в воде.

Слепящее солнце нещадно резало глаза. Кое-как сев, он размял затёкшие пальцы. Багровые синяки на запястьях его сейчас не заботили — куда сильнее горело лицо. Боль была такой свирепой, что Пэй Цзя всерьёз заподозрил, не распухла ли вся его физиономия. Он осторожно прикоснулся к щеке и мысленно выругался:

«Твою мать, точно опухла».

Лицо было его главным рабочим инструментом — единственным, что кормило актёра, так что тревога была вполне оправданной. Но куда важнее сейчас был другой вопрос: где он вообще оказался?

Звуки окружающего мира наконец начали пробиваться сквозь вату в его заторможенном мозгу.

Покрытые густым лесом горы, стена изумрудной зелени и широкая река, на берегу которой он сидел. Жарынь стояла невыносимая, а он почему-то был застёгнут на все пуговицы в одеяние с длинными рукавами. Лицо Пэй Цзя вытянулось. Он во все глаза уставился на собственное платье. Что это за чертовщина? Исторический костюм? Неужели у того безумного богача, заказавшего его похищение, обнаружилась тяга к ролевым играм?

Зрение постепенно прояснялось, окончательно возвращая его к суровой реальности. Чуть поодаль, прямо на острых камнях, неподвижно лежал человек в тёмных одеждах. Шатаясь, Пэй Цзя поднялся на ноги. Словно в полусне он пошёл к распростёртому телу. Перед ним лежал мужчина: его одежда в нескольких местах была разорвана в клочья, сквозь прорехи сочилась багровая кровь.

Сомнений не оставалось: этот незнакомец тоже был облачён в старинный наряд.

«Неужели я вернулся на съёмочную площадку?» — мелькнула робкая надежда.

Преодолевая раскалывающую голову боль, Пэй Цзя опустился на корточки, опёрся локтем о колено и, немного поколебавшись, протянул руку, чтобы похлопать мужчину по щеке.

В ту же секунду мнимый мертвец резко вскинулся. Железная хватка сомкнулась на запястье Пэй Цзя, и мощным рывком его руки оказались выкручены за спину.

— Твою ж карусель! Больно, больно, пусти! — взывл Пэй Цзя, пытаясь вырваться. — Ты кто такой вообще?! Попробуй только не отпустить, я из тебя всю душу вышибу!..

Он попытался брыкнуть обидчика ногой, но удар пришёлся по воздуху. Изувеченные запястья обожгло невыносимой болью, плечи затрещали, готовые вот-вот вылететь из суставов — сказывались две недели прогулов в спортзале.

— Не дёргайся, — раздался за спиной низкий, вибрирующий голос.

От этого глубокого бархатного баритона Пэй Цзя даже растерялся: с такими голосовыми данными парню не понадобился бы никакой дубляж, работай он в их киноиндустрии.

Пэй Цзя натянуто усмехнулся:

— Слушай, друг, режиссёр ещё не скомандовал «мотор», побереги силы.

Лица этого парня он не помнил — должно быть, какой-то новичок из массовки или дублёр. Что вообще произошло? Он заснул на площадке? А жуткое падение в озеро — всего лишь кошмарный сон?

Однако незнакомец и не думал ослаблять хватку. Напротив, он грубо заламывал ему руки всё сильнее, пока Пэй Цзя не почувствовал, как вокруг его запястий затягивается жёсткая верёвка.

«Разве в сценарии было что-то подобное?»

— Иди, — скомандовал мужчина.

В лопатку упёрлось что-то твёрдое. Сила толчка была умеренной, но достаточной, чтобы заставить его сделать шаг вперёд. Пэй Цзя скосил глаза и похолодел: в спину ему упиралось остриё короткого меча в ножнах.

Остатки сонной одури мгновенно улетучились. Пэй Цзя напрягся и осторожно обернулся, чтобы как следует рассмотреть своего конвоира.

Если бы в шоу-бизнесе крутился актёр с такой внешностью, Пэй Цзя точно бы его запомнил. Этот мужчина словно сошёл со старинного свитка: глубоко посаженные глаза, резкие, мужественные черты лица, волевой подбородок, подёрнутый тёмной щетиной. Даже сочащаяся кровью ссадина над бровью не портила его, а лишь добавляла сурового шарма. Он был

чертовски хорош собой. Куда там слащавому главному герою из их нынешнего проекта — этот незнакомец затмил бы его одним взглядом. Единственное «но» — его кожа имела глубокий бронзовый загар, который сейчас был не в моде среди изнеженных столичных айдалов.

Пэй Цзя не хвастался талантами, но память на тексты у него была феноменальная. Поскольку актёрского образования у него не было, он компенсировал это тем, что зазубривал не только свои реплики, но и слова всех партнёров по сцене. Однако сейчас его память безмолвствовала. В пустой голове зародился и начал стремительно разрастаться липкий, первобытный страх. Приглядевшись, он понял: запёкшаяся кровь и припухлость на лице мужчины — вовсе не искусный грим. Рана была настоящей.

«Твою же мать... Попаданство?!»

Лоб покрылся испариной. Пэй Цзя понимал, насколько безумной кажется эта мысль, и изо всех сил пытался отогнать от себя невероятную догадку.

— Ты кто такой? — его собственный голос прозвучал жалко и напуганно.

— Тебе незачем знать, кто я, — отрезал мужчина. — Шевелись, если не хочешь остаться тут на корм волкам.

Угроза в его голосе была более чем осязаемой.

Пэй Цзя испуганно заозирался. Глухомань, конечно, знатная, но неужели здесь водятся дикие звери?

— Кого ты пугаешь? Волки в зоопарках сидят! — хорохорясь, выкрикнул он, пока его настойчиво подталкивали к опушке леса. — Да кто ты такой?! Развяжи меня живо, иначе я на тебя в полицию заявлю за незаконное лишение свободы!

— Потихе ты! У меня ноги болят! — Пэй Цзя обиженно надул губы.

На съёмках случалось всякое, но благодаря своей изнеженной внешности классического «прекрасного юноши» он никогда особо не надрывался. Максимум — спина ныла после нескольких часов на лонжах, да и то сниматься в исторических дорамах он начал совсем недавно, а до этого работал только в лёгких современных мелодрамах.

— У меня есть отличный способ избавить тебя от боли, — холодно отозвался конвоир.

Он смерил взглядом обессиленного Пэй Цзя, который демонстративно плюхнулся прямо на землю, и слегка пнул его носком сапога в спину.

— И какой же? — буркнул Пэй Цзя. — «Небось, пластырь обезболивающий предложит?»

Не успел он закончить мысль, как к его горлу прижалась леденящая полоса стали.

Лезвие было бритвенно-острым — Пэй Цзя почувствовал, как металл слегка надрезал кожу.

Настоящее оружие, не бутафория. У него перехватило дыхание, кожа на голове так и зачесалась от страха. Он замер, боясь даже вздохнуть, а рука, которой он только что растирал лодыжку, окоченела в воздухе.

— Смилуйтесь, уважаемый герой! — взмолился Пэй Цзя, едва не плача от ужаса. Догадка окончательно утвердилась в его сознании. — Кто бы вы ни были, куда бы мы ни шли... Всё прошло! Больше ничего не болит, правда!

Он действительно переместился во времени. Но кем бы он ни стал в этом мире, умирать прямо сейчас в его планы не входило. Воспоминание о ледяной воде и удушье накатило с новой силой. Пэй Цзя побледнел как полотно, косясь на блестящую кромку лезвия.

«Чёрт возьми, это же адски больно — получить мечом по горлу!»

— Раз не болит — вставай, — мужчина мёртвой хваткой вцепился в его предплечье и легко, точно цыплёнка, вздёрнул Пэй Цзя на ноги. — И даже не думай со мной играть. Желающих отправить тебя на тот свет пруд пруди, а весь остальной мир и так считает тебя покойником. Если я прикончу тебя прямо здесь, никто и не почешется.

— За что тебе меня убивать? Я же тебя впервые вижу! Ты что, маньяк какой-то? — Пэй Цзя передёрнуло от отвращения и страха.

— Не узнаёшь? — Мужчина опасно прищурился.

Пэй Цзя невольно вжал голову в плечи.

— То ли у тебя память девичья, то ли я обращался с тобой слишком мягко и ласково, раз не оставил по себе должной памяти, — хмыкнул похититель, сделав особый упор на слове «мягко». Он слизнул каплю пота с сухих, потрескавшихся губ. — Что ж, давай познакомимся заново. Чжуан Лин. Надеюсь, хоть это имя тебе о чём-то говорит?

Суставы ныли под безжалостным нажимом, в уголках глаз Пэй Цзя закипели злые слёзы обиды.

— Да я собственное имя из головы вымел! — в сердцах крикнул он. — С какого перепугу мне помнить твоё?!

На лице Чжуан Лина на миг отразилось странное замешательство.

— Совсем ничего не помнишь?

— Ничегошеньки, — хныкнул Пэй Цзя, снова готовый разрыдаться. Руки ломило немилосердно. Ну что за проклятый день!

— В таком случае я сам поведаю, кто ты такой.

Пэй Цзя соорудил максимально невинную мину, силясь изобразить на лице полнейшую душевную простоту.

— Твой отец до своего падения занимал пост заместителя министра обороны, — Чжуан Лин бесцеремонно подхватил его пальцами за подбородок, заставив поднять голову. В глубине его тёмных глаз промелькнуло нечто нечитаемое. — Но он спутался с врагами государства, и теперь весь ваш род гниёт в застенках. Догадываешься, как ты очутился здесь?

— Понятия не имею.

— Тот самый «враг», с которым сговорился твой родитель — это я. Он умолил меня вытащить тебя из столицы. Так что отныне ты мой раб. Будешь делать всё, что велю. Уяснил?

Голос Чжуан Лина звучал негромко, но в нём угадывалась непреклонная властность человека, привыкшего повелевать.

Пэй Цзя лишь тоскливо шмыгнул носом.

— Не веришь мне? — вновь послышался вкрадчивый, опасный шёпот.

— Верю, конечно верю, — поспешно закивал он.

«Ага, держи карман шире!» Интуиция так и вопила, что этот тип безбожно врёт. С чего бы хозяину и его безропотному рабу вместе лететь с кручи, а едва очнувшись — устраивать потасовку? Пэй Цзя, может, и потерял память, но идиотом точно не был. Настороженность и злоба в глазах Чжуан Лина выдавали его с головой. На классические отношения господина и слуги это не походило даже близко.

— И как же меня зовут? — уныло поинтересовался Пэй Цзя.

Взгляд Чжуан Лина на мгновение сделался острым. Выдумывать фальшивое имя не имело смысла — они вскоре покинут эти края. Да и с такой обезображенной физиономией парень мог

не бояться разоблачения: родная мать бы не признала его в этом жалком виде.

— Хань Хэн. Твоё имя — Хань Хэн.

«Звучит неплохо, вполне прилично», — подумал новоявленный Хань Хэн. С трудом поднявшись, он хмуро спросил:

— И куда мы держим путь? Может, снимешь путы? У меня всё равно сил нет бежать.

Чжуан Лин помедлил, но всё же срезал верёвки.

— Советую вести себя смирно, — ледяным тоном обронил он. — В Бэйшо за убийство раба никто к ответу не призовет.

— Понял я, понял, — проворчал Хань Хэн. — Судя по всему, с моим отцом вы ладили так себе, раз ты спишь и видишь, как бы прирезать его ненаглядное чадо. А батюшка-то мой точно был изменником?

Чжуан Лин на секунду опешил от такой наглости, но быстро справился с эмоциями и отвернулся.

— Меньше знаешь — крепче спишь. Твоё дело теперь — ублажать меня и ловить каждое слово. Всё ясно?

Хань Хэн предпочёл промолчать.

В ту же секунду сильные пальцы Чжуан Лина сомкнулись на его горле. Ощувив под ладонью тонкую, незащитную шею, мужчина пренебрежительно хмыкнул, однако, скользнув взглядом по его изуродованному лицу, поспешно отвёл глаза.

— По... понял... — прохрипел Хань Хэн.

Пальцы разжались. Хань Хэн согнулся пополам, заходясь в лающем кашле. Этот дикарь пускал в ход силу при любом удобном случае. Чтобы сохранить шкуру целой, придётся временно подыграть ему. Мысленно укрепившись в этом решении, Хань Хэн глубоко вздохнул. «Главное — выжить. Пока я дышу, у меня есть шанс выпутаться».

Пробираясь сквозь заросли, Хань Хэн украдкой изучал своего спутника. Чжуан Лин был выше почти на целую голову, ладно скроен и крепок. Из-за изнуряющего зноя тот закатал рукава, обнажив рельефные, перевитые жгутами мышц предплечья. Наверняка какой-нибудь мастер боевых искусств. Хань Хэн, у которого от духоты помутилось в голове, невольно глянул на свои ладони и поразился: пальцы были тонкими и изящными, словно у изнеженной барышни.

Явный признак того, что прежний владелец этого тела тяжелее чарки с чаем ничего в жизни не поднимал.

Это хотя бы вязалось с легендой о дворянском сыне. Но неужели отпрыск военного чиновника рос полным хлюпиком и даже не обучался фехтованию? У любого воина на ладонях и между пальцами остаются жёсткие мозоли от эфеса. А у него кожа была нежной, без малейшего намёка на мозоли от меча или хотя бы от каллиграфической кисти. Хань Хэн тщательно ощупал свои фаланги и обнаружил лишь едва заметные, тончайшие уплотнения на вторых суставах пальцев. Да и те мозолями можно было назвать с большой натяжкой.

— Живее! — скомандовал спереди Чжуан Лин.

Тропинка круто уходила вверх. Хань Хэн выбросил лишние думы из головы — разберётся со всем позже. Сейчас нужно было просто не отставать, держась на расстоянии шага-двух от широкой спины проводника.

Стоило им углубиться в чащу, как солнечный свет померк. Под густыми сводами ветвей царил полумрак, веяло ночной прохладой, а воздух был пропитан тяжёлым запахом прели и сырости.

— Чжуан Лин, да помедленнее ты! — взмолился Хань Хэн примерно через час утомительного пути. Силы были на исходе, а его конвоир, казалось, только прибавлял ходу.

Ноги то и дело скользили по прелой листве, а переплетённые корни деревьев, выползавшие на тропу змеями, так и норовили подставить подножку. Измотанный до предела, Хань Хэн напрочь позабыл о своём решении помалкивать и о том, насколько острым был кинжал у этого типа.

Чжуан Лин резко замер.

Хань Хэн со всего маху впечатался лбом в его каменную спину. Охнув, он схватился за ушибленный нос и гнусаво заворчал:

— Ну и чего встал? Я просил сбавить шаг, а не устраивать завал!

— Похоже, ты до сих пор не уяснил своего положения, — Чжуан Лин рванул его за руку и прижал к стволу векового дуба. Их лица оказались так близко, что Хань Хэн почувствовал чужое горячее дыхание.

У него закружилась голова. Хань Хэн попытался вырваться, но холодный, хищный взгляд Чжуан Лина пригвоздил его к месту. Члены налились свинцовой слабостью.

— Что... что тебе опять нужно, братец? — выдавил он.

— Ты мой раб. И обращаться ко мне должен не иначе как «хозяин».

В голове Хань Хэна пронеслись красочные сюжеты из дешёвых порнофильмов. Уголок его рта нервно дёрнулся.

— Обязательно? — с трудом подбирая слова, спросил он. — Может, договоримся на что-нибудь попроще?

Чжуан Лин лишь выразительно выгнул соболиную бровь.

Стиснув зубы, Хань Хэн зажмурился и выдавил:

— Хо... хо... хозяин.

По спине пробежало стадо мурашек. «Ну и придурок же мне достался! Грёбанные средневековые замашки!»

Суровые черты Чжуан Лина немного смягчились.

— Нога повреждена? — Чжуан Лин отстранился и, присев на корточки, бесцеремонно задрал подол его халата.

Злость, копившаяся весь день, требовала выхода. Выбрав момент, Хань Хэн с криком: «Получи, ублюдок!» нацелил пятку прямо в физиономию наглеца. Однако Чжуан Лин среагировал мгновенно: перехватил летящую ногу и рванул её вверх. Мир перед глазами Хань Хэна перевернулся.

Кровь прилила к голове, Хань Хэн мгновенно налился багрянцем.

Чжуан Лин держал его за лодыжки, заставив повиснуть вниз головой, и хладнокровно взирал на его мучения.

— Как вижу, с ногами у тебя полный порядок. Теперь-то мы можем прибавить шаг?

— Да пошёл ты к чёрту! А ну пусти! — задыхаясь от прилива крови к ушам, завопил Хань Хэн. Все его благие намерения пойти на компромисс рассыпались в прах под грузом усталости и унижения. — Кто тут у тебя раб?! Лучше убей, тварь! Ещё чего удумал — «хозяин»! Совсем крыша поехала?!

Он отчаянно брыкался и извивался всем телом, пытаясь высвободиться из железной хватки.

Чжуан Лин опасно прищурился.

Прежде чем Хань Хэн успел выдать очередную порцию ругательств, его крик сорвался на нечленораздельный всхлип.

Он в ужасе распахнул глаза: этот сумасшедший бесцеремонно схватил его прямо за пах. Дикая, разрывающая боль заставила его истощно взвыть. Из глаз брызнули слёзы, он закашлялся, захлёбываясь собственной слюной.

— Сволочь... сука... отпусти! — сквозь рыдания выдавил он, но пальцы мучителя лишь крепче сжались, причиняя невыносимую муку.

Чжуан Лин хранил гробовое молчание, продолжая экзекуцию с абсолютно бесстрастным лицом.

— Пусти! Умоляю... Хозяин! Хозяин, пощади! Я пойду... куда угодно пойду! Только отпусти, не трогай меня там!..

Когда его наконец швырнули на землю, в ушах стоял сплошной гул. Лицо было мокрым от слёз. Израненную кожу щёк нестерпимо жгло. Хань Хэн машинально провел ладонью по лицу и, взглянув на пальцы, похолодел: вся рука была испачкана в свежей крови. Лицо пылало, словно его прижгли калёным железом.

— Моё лицо... — пролепетал он, в ужасе глядя на стоящего над ним Чжуан Лина. — Что с моим лицом?

Чжуан Лин зловеще усмехнулся:

— Рекомендую поторопиться. Если в эти порезы попадёт лесная грязь, ты загнёшься от лихорадки быстрее, чем мы доберёмся до жилья.

Эти слова прозвучали как смертный приговор. Хань Хэн попытался кончиками пальцев прощупать раны, но едва коснулся кожи, как взвыл от острой боли. Солёные слёзы, попавшие в порезы, разъедали мясо. Голова раскалывалась, соображать было невозможно.

— Я... я изуродован? — всхлипнул он.

— Нет, — коротко бросил тот.

«Слава богу...» — Хань Хэн немного перевёл дух. Пусть он не стал писанным красавцем в этой жизни, но превратиться в чудовище было бы за гранью его сил.

Однако следующая фраза безжалостно растоптала его надежды:

— Просто на твоей физиономии живого места нет. Всё исполосовано вдоль и поперёк, смотреть противно. Меня самого с души воротит, когда на тебя гляжу.

Хань Хэн застыл с полуоткрытым ртом. Ему безумно хотелось взвыть в голос, но он вовремя сообразил, что от гримасы боли станет только хуже. Он сидел с кривой, жалкой миной, выглядя ещё нелепее.

— Ладно, не ной. Вылечу я тебя, — буркнул Чжуан Лин, впервые проявив подобие участия. Он бесцеремонно вздёрнул бедолагу за шиворот и, крепко зажав его ладонь, потащил за собой.

Хань Хэн безвольно плёлся следом, спотыкаясь о каждую кочку. Мысли в его голове окончательно иссякли.

— А лекарь... он сможет вернуть мне прежнее лицо? — тихо спросил он.

— Я тебе что, знахарь? — огрызнулся Чжуан Лин. — Откуда мне знать. Но деваться некуда — негоже мне таскать за собой такое пугало.

— Вот именно... — хмыкнул Хань Хэн, шмыгая носом. — Хозяин с уродом-рабом — курам на смех. Опозоришься ведь перед людьми.

— Вот и веди себя смирно. Будешь паинькой — подберу тебе лучшего лекаря в округе, так и быть.

Хань Хэн едва улавливал смысл его слов. Сил спорить не осталось, да и страх перед непредсказуемой жестокостью этого дикаря заставлял поумерить пыл. Тело досталось слабое и изнеженное — сущий ад для привыкшего к комфорту человека. Душа его ушла в пятки, а будущее рисовалось исключительно в чёрных тонах.

<http://bllate.org/book/20487/2116385>